RUSAD 9, 2023, 179-194
Araştırma Makalesi – Research Article
Geliş – Received: 07.06.2023 Kabul – Accepted: 28.06.2023 Yayın – Published: 30.06.2023
doi: 10.48068/rusad.1311296

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ НА УРОВНЕ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА В МЕТОДОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Arif YILDIRIM[a] Olga DALKILIÇ[b]

Аннотация

Основой методологии преподавания русского языка как иностранного является его сопоставительная лингводидактическая подача. С одной стороны, с точки зрения диахронии, структура, семантика и стилистика современного русского языка сформировалась во многом благодаря контрасту элементов книжного старославянского и народного древнерусского языков. С другой, синхронической точки зрения русско-турецкой лингводидактики, лексический уровень современного русского языка немыслим без тюркизмов. Учитывая также тот факт, что современные тюркология и алтаистика имеют богатый пласт русскоязычных исследований, общая лингвистика на русском языке и славистика, в свою очередь, пользуется обширным исследовательским материалом в области алтайской и урало-алтайской гипотезы. Наряду с этим, исследования в области урало-алтайской гипотезы, материалы архаичных балтийских и финно-угорских языков, значимых в формировании общеславянского и состоянии современного русского языков, также является одной из областей исследования, которую развили учёные, внёсшие свой вклад в развитие общей лингвистики. То есть, развитие славяноведения уже несколько веков идёт не только в рамках индоевропеистики, но и бок о бок с компаративистическими исследованиями в области алтаистики, финно-угристики, синаистики, кавказоведения, ностратики и др. Естественный процесс развития славянских языков, в частности, русского идёт во взаимодействии с иноязычными элементами - следствиями контактов различного характера: геополитических, территориально-культурных, научно-технологических, торгово-экономических и т. д. Следовательно, процесс преподавания РКИ немыслим без вкраплений сравнительно-типологического характера: преподавание русского языка в Турции–это не только контрастивные схемы современного русского и турецкого, но и элементов обоих языков в их сравнительно-исторической, лингвокультурологической, психолингвистической перспективе.

[a] Dr. Öğr. Üyesi, Erciyes Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Kayseri/Türkiye, arifyildirim@erciyes.edu.tr
[b] Öğr. Gör., Erciyes Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Kayseri/Türkiye, olga@erciyes.edu.tr

(cc) BY-NC-ND

Целью данной статьи является анализ сопоставительной лексико-семантической учебной работы на уроках по русскому как иностранному в турецкоязычной аудитории с точки зрения выявления параллелей во внешней и внутренней форме русских слов по сравнению, в частности, с турецкими лексемами или словами других языков, привлечение которых необходимо для установления этимологии и, тем самым, сопоставления внутренней формы слова. В свою очередь, понятие внутренней формы слова (по А. А. Потебне) включает в себя лингвокультурологические, психолингвистические, научно-методологические принципы, что в целом позволяет затронуть и активизировать ассоциативный, когнитивный и научно-методологический уровень учащегося и, таким образом, рассматривать практические единицы языка в контексте их перцептивного и когнитивного сопоставления на базе родного языка и в рамках научно-методологических подходов и языковых категорий.

Результаты данного исследования подчёркивают методологическую связь между субъективным и ассоциативным восприятием внешней формы русскоязычной лексемы, сопоставлением её внутренней формы на когнитивном и лингвокультурологическом уровне с внутренней формой иноязычных лексем и научно-методологически обоснованным сопоставлением их этимологических особенностей в ходе лексикографической работы.

Ключевые слова: Русский язык, тюркология и алтаистика, методология преподавания РКИ, внешняя и внутренняя форма слова, сопоставительная типология, семантика

INTER-LINGUISTIC PARALLELS AT THE LEVEL OF THE EXTERNAL AND INTERNAL FORM OF THE WORD IN THE METHODOLOGY OF TEACHING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Abstract

The basis of the methodology of teaching Russian as a foreign language is its comparative linguodidactic representation. On the one hand, the structure, semantics and stylistics of the modern Russian language have been formed largely due to the contrast between the elements of bookish Old Slavonic and folk Old Russian. On the other hand, from the point of view of Russian-Turkic linguistics, the lexical level of the Russian language is unthinkable without Turkisms. Considering also the fact that modern Turkology and Altaic studies have a rich reservoir of Russian-language studies, general linguistics in Russian and Slavic studies, in its turn, have an extensive research material in the field of Altaic and Uralic-Altaic hypothesis. Besides, the research in the field of Uralo-Altaic hypothesis, the material of archaic Baltic and Finno-Ugric languages, significant in formation of Pan-Slavic and state of modern Russian language, is also one of the fields of research developed by scientists contributing to the development of general linguistics. In other words, the development of Slavic studies has been going on for several centuries, not only within the framework of Indo-European Studies, but also side by side with comparativistic studies in the field of Altaic Studies, Finno-Ugrian Studies, Sinitic Studies, Caucasian Studies, Nostratics, etc. The natural process of development of Slavic languages, Russian in particular, goes on in interaction with foreign language elements, resulted from contacts of various kinds: geo-political, territorial-cultural, scientific-

BY-NC-ND 4.0

technological, trade-economic, etc.

Consequently, the process of teaching RFL is inconceivable without embedding a comparative-typological character: teaching Russian in Turkey is not only about contrasting schemes of modern Russian and Turkish, but also elements of both languages in their comparative-historical, linguocultural, psycholinguistic perspective.

The aim of this article is to analyze the comparative lexical-semantic learning in lessons on Russian as a foreign language in a Turkish-speaking audience in terms of identifying parallels in the external and internal form of Russian words compared, in particular, to Turkish lexemes or words from other languages, whose involvement is necessary to establish the etymology and, thus, to compare the internal form of a word. In turn, the concept of the inner form of a word (according to A.A. Potebnja) also includes linguocultural psycholinguistic, scientific and methodological principles, which in general allows to touch and activate associative, cognitive and scientific-methodological level of the student and thus consider practical language units in the context of their perceptual and cognitive comparison based on the native language and within the framework of scientific-methodological approaches and language categories.

The results of this study emphasize the methodological connection between the subjective and associative perception of the external form of the Russian-speaking lexeme, the comparison of its internal form on the cognitive and linguocultural level with the internal form of foreign lexemes and scientifically and methodologically sound comparison of their etymological features in the lexicographical work.

Keywords: Russian language, Turkology and Altaistics, Russian as a foreign language, teaching methodology, external and internal word forms, comparative typology, semantics.

YABANCI DİL OLARAK RUSÇANIN ÖĞRETİM METODOLOJİSİNDE KELİMENİN DIŞ VE İÇ YAPILARI DÜZEYİNDE DİLLER ARASI KARŞILAŞTIRMALAR

Öz

Rusçanın yabancı dil olarak öğretim yönteminin temeli, karşılaştırmalı linguodidaktik çalışmalara dayanır. Bir yandan art zamanlı bakış açısıyla yaklaştığımızda, Çağdaş Rus dilinin yapısı, anlam bilimi ve üslup biliminin büyük ölçüde Eski Slavca edebi dili ile eski Rus halk dili unsurları arasındaki zıtlık nedeniyle oluştuğunu söyleyebiliriz. Diğer yandan eş zamanlı açıdan ele alınarak Rus-Türk dil bilimi açısından bakıldığında ise Rus dili söz varlığının Türkizmler olmadan düşünülemeyeceği aşikârdır. Çağdaş Türkoloji ve Altay çalışmalarının zengin Rus dili çalışmalarına sahip olduğu gerçeği de göz önünde bulundurulduğunda, Rusça genel dilbilim ve Slav çalışmalarının, Altay ve Ural-Altay alanında geniş bir araştırma malzemesine sahip olduğundan bahsetmek mümkündür. Bunun yanı sıra, Slav ve Çağdaş Rus dillerinin oluşumunda önemli bir yere sahip olan Ural-Altay çalışmaları alanında arkaik Baltık ve Fin-Ugor dilleri çalışmaları da genel dil bilimin gelişimine katkıda bulunan bilim insanları tarafından geliştirilen araştırma alanlarından biridir. Başka bir deyişle, Slav çalışmalarının gelişimi sadece Hint-Avrupa dilleri çalışmaları çerçevesinde değil, aynı zamanda Altay Çalışmaları, Fin-Ugor Çalışmaları, Sinik Çalışmaları, Kafkas Çalışmaları, Nostratikler vb. alanlardaki karşılaştırmalı çalışmalarla iç içe birkaç yüzyıldır devam etmektedir. Slav dillerinin, özellikle de Rusçanın doğal gelişim süreci, jeopolitik, bölgesel ve kültürel, bilimsel

BY-NC-ND 4.0

ve teknolojik, ticari ve ekonomik gibi çeşitli alanlardaki iletişimin sonucu olarak yabancı dil unsurlarıyla etkileşim içinde devam etmektedir. Dolayısıyla, yabancı dil olarak Rusça öğretim süreci karşılaştırmalı-tipolojik yaklaşım olmadan düşünülemez; Türkiye'de Rusça öğretimi, sadece Çağdaş Rusça ve Türkçenin karşıtlıkları ile değil, aynı zamanda karşılaştırmalı-tarihsel, kültürdilbilimsel, psikolinguistik perspektifte her iki dilin unsurlarıyla da ilgilidir.

Bu makalenin amacı Türkçe konuşan bir kitlenin yabancı dil olarak Rusça derslerindeki karşılaştırmalı sözcüksel ve anlamsal açıdan öğrenimini, Rusça sözcüklerin dış ve iç yapıları düzeyindeki paralelliğini, özellikle de etimolojisini belirlemek ve böylece bir sözcüğün iç biçimini karşılaştırmak için gerekli olan Türkçe sözcükler veya diğer dillerden sözcüklerle karşılaştırarak analiz etmektir. Bir kelimenin iç yapısı kavramı (A.A. Potebna'ya göre), genel olarak öğrencinin çağrışımsal, bilişsel, bilimsel ve yöntemsel düzeyine dokunmaya ve onları harekete geçirmeye olanak sağlayan, kültür dil bilimsel, psikolinguistik, bilimsel ve metodolojik ilkeleri içerir ve böylelikle bunlar, dil birimlerini ana dile dayalı algısal ve bilişsel karşılaştırma bağlamında ve bilimsel ve metodolojik yaklaşımlar ile dil kategorileri çerçevesinde ele alır.

Bu çalışmanın sonuçları, Rusça sözcük birimin dış yapısının öznel ve çağrışımsal algısı, bilişsel ve dilbilimsel düzeyde iç yapısının yabancı sözcük birimlerin iç yapısıyla karşılaştırılması ve sözlükbilimsel çalışmada etimolojik özelliklerinin bilimsel ve yöntemsel olarak karşılaştırılması arasındaki metodolojik bağlantıyı vurgulamaktadır.

Anahtar kelimeler: Rus dili, Türkoloji ve Altayistik, yabancı dil olarak Rusça öğretim metodolojisi, kelimenin dış ve iç yapısı, karşılaştırmalı tipoloji, semantik.

❋ ❋ ❋

Введение

Методика преподавания русского языка как иностранного опирается на лингводидактические принципы, которые, в свою очередь, являются типологическим сопоставлением систем и материалов изучаемого и родного языков учащегося. Причём методика есть выражение лингводидактики как методологии обучения языкам[1], техническое приложение общего языкознания[2], предполагающее особую методику лингвистического описания[3], которое включает в себя не только собственно лингвистические, но и лингвокультурологические принципы.

Таким образом, методологию преподавания иностранного языка обслуживает, среди прочих, отрасль страноведения в рамках лингвокультурологической дисциплины, сформировавшейся на почве научной мысли В. Гумбольдта, М. Хайдеггера, А. А, Потебни, Л. Витгенштейна, Э. Сепира, Б. Уорфа, и многосторонне изученной в контексте русского языка в трудах В. Г.

BY-NC-ND 4.0

[1] İ. İ. Akimova, "O sootnoşenii metodiki i lingvodidaktiki i neobhodimosti natsionalno-orientirovannıh grammatiçeskih opisaniy russkogo yazıka kak inostrannogo," *Mezhdunarodnıy nauchno-issledovatelskiy jurnal* 7/73 (2018): 136.

[2] L. V. Şçerba, *Prepodavaniye inostrannıh yazıkov v sredney şkole Obsçiye voprosı metodiki* (Moskva: Vısşaya şkola, 1974), 12.

[3] L. A. Novikov, *İzbrannoye* (Moskva: Izd-vo RUDN, 2000), 707-724.

Костомарова, Ю. С. Степанова, Ю. Н. Караулова, В. Н. Телии, А. Д. Арутюновой и др.[4] Помимо русскоязычных источников, современные научные работы, в частности, на турецком языке также подробно излагают принципы лингвокультурологии как относительно новой отрасли лингвистики и культурологии.[5] Именно исходя из практики преподавания РКИ учащимся с родным турецким (или другими тюркскими языками) данная статья анализирует методологический потенциал сопоставительной лексико-семантической работы в сопровождаемом или самостоятельном учебном процессе.

Направление современных методологии и лингводидактики определяется, с одной стороны, общей научной, в том числе, языковедческой, методологией. С другой стороны, лингводидактические, то есть, сравнительно-типологические принципы той или иной языковой пары находятся в определённой корреляции и с социокультурными особенностями взаимодействия между носителями языков как этносами, культурами, государствами. Таким образом, методология и лингводидактика находятся на стыке как собственно лингвистических дисциплин, типологически и функционально описывающих состояние современного литературного языка на фоне его исторического развития, так и смежных дисциплин–культурологии и лингвокультурологии, социологии и социолингвистики, истории и сравнительно-исторического языкознания, позволяющих не только и не столько в синхроническом, сколько в диахроническом аспекте комментировать те или иные типологические соответствия и несоответствия между системами и явлениями внутри языковой пары. Причём лингводидактический подход к типологическому сопоставлению языков и их элементов, так же как и, собственно, принцип сравнительно-исторического языкознания, зачастую основан на необходимости привлечения иноязычного материала, который позволяет установить фонетико-морфологические, лексические, семантические соответствия не только на уровне двух сопоставляемых, но и других близко- или дальнородственных языков. Следовательно, сами приёмы сравнительно-исторической методологии, разработанные в рамках одной языковой пары, могут быть выведены в ранг общелингвистических принципов и применимы, таким образом, к другой языковой паре. Так, развитие сравнительно-исторического языкознания на базе первых опытов сопоставления материала латыни, греческого и санскрита позволило с успехом дополнить исследования материалом, к примеру, скандинавских, хеттского, «тохарского» и других ранее неизвестных или же открытых в XIX-XX вв. языков. Однако, как показывает, к примеру, опыт алтайской гипотезы, особенности языкового материала и геокультурных охватов, а также хронология письменных источников может послужить фактором, снижающим достоверность реконструкций и оставляющих их на уровне гипотезы.

Так или иначе, следует учитывать тот факт, что преподавание иностранного

[4] V. A. Maslova*, Lingvokulturologiya. Uçebnoye posobiye dlya studentov vısşih uçebnıh zavedeniy* (Moskva: Akademiya, 2001), 21-44.
[5] Olena Kozan, *Kültürdilbilim: Temel Kavramlar ve Sorunlar* (Ankara: Gazi Kitabevi, 2014), 15-40.

CC BY-NC-ND 4.0

языка, его сопоставительная типология по отношению к родному языку учащегося имеет в своей основе принципы сравнительно-исторического языкознания, которое опирается на труды, в первую очередь, В. Гумбольдта и других индоевропеистов, как Я. Гримма, Р. Раска, У. Джонса, Ф. Боппа, стоявших у истоков компаративистики, в том числе и младограмматистов, а в контексте русской компаративистики – А. Х. Востокова, Ф. Ф. Фортунатова и их последователей. Через труды И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы и представителей Петербургской фонологической школы, с одной стороны, а с другой – Московской фонологической школы в лице основателей Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, А. А. Реформатского и др., а также через деятельность Московской школы сравнительно-исторического языкознания (Московской школы компаративистики)[6] в лице основателей В. М. Иллича-Свитыча, А. Б. Долгопольского, А. А. Зализняка, Вяч. Вс. Иванова, В. А. Дыбо, их преемников А. В. Дыбо, С. А. и Г. С. Старостина, О. Мудрака и др. на сегодняшний день русистика, славистика и индоевропеистика развивается на фоне методологии изучения других языковых семей–с различных аспектов и различной степенью достоверности выделяемых и объединяемых алтайской, сино-тибетской, кавказской, ностратической и т.д.[7]

Следовательно, лингводидактика, в целом, и методология преподавания русского языка как иностранного, в частности, формируется на основе сравнительно-языковедческой дисциплины, что позволяет принципам преподавания выгодно использовать такие компаративистские принципы, каким является, например, метод лексикостатистики Сводешевских списков, метод фонетических и морфологических соответствий, принципах семантического анализа, который, в свою очередь, опирается на данные этнографии, культурологии, психолингвистики, лингвопалеонтологии и, как следствие, лингвокультурологии, позволяющей тем или иным образом объяснить, интерпретировать, семантически классифицировать понятие, наименование артефакта, отнести его к базисной или культурной лексике, а в контексте межъязыковой сравнительной лексико-семантической работы оценить возможность заимствования или же, наоборот, гипотетической принадлежности к общему праязыку.

1) Внешняя, внутренняя и субъективная форма слова

Под лексико-семантическим сопоставлением в данной статье понимается, с одной стороны, выявление и анализ параллелей во внешней форме слова, в её лексической оболочке, т.н. соссюровском акустическом образе, означающем, или плане выражения.[8] С другой стороны, сопоставлению могут подлежать параллели между планом содержания, которые данная работа понимает не только и не столько по Ф. Де Соссюру[9] в качестве понятия, означаемого или плана содержания,

© BY-NC-ND 4.0

[6] S. A. Starostin, "O moskovskoy şkole komparativistiki," *Moskovskiy lingvistiçeskiy jurnal* 1 (1995): 10-13.
[7] S. A. Burlak & S. A. Starostin*, Sravnitelno-istoriçeskoye yazıkoznaniye* (Moskva: Akademiya, 2005), 3-24.
[8] F. De. Sossyur, *Kurs obşey lingvistiki*, red. Ş. Balli & A. Seşe, per. s frants. A. Suhotina, pod obşç. red. M. E. Rut (Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta, 1999), 19-20, 67-70.
[9] Sossyur, *Kurs obşey lingvistiki,* 67-70.

сколько по А.А. Потебне[10] в качестве внутренней формы слова, ближайшего этимологического значения слова, осознаваемого носителями языка, в качестве отношения содержания мысли к сознанию. Пример, приводимый А.А. Потебней[11] для иллюстрации значения внутренней формы слова, как нельзя лучше иллюстрирует случаи сопоставления, аналитического семантико-этимологического разбора русских лексем, находящихся в определённых лексико-семантических отношениях с лексемами, в частности, турецкого языка. Так, сравнивая русское слово «туча», которая, согласно толкованию Потебни, образована от корня «ту» (лить, пить), вбирает в себя воду или изливает её из себя, с польским «tqcza» , образованным от того же корня, но польскому народу представляющимся в обличии радуги, которая тоже вбирает в себя воду из криницы, автор приходит к умозаключению, что решение данной, почти неисполнимой, задачи могло бы показать, где оканчивается сходство языков, доказывающее одноплеменность говорящих ими народов, и начинается то, которое доказывает только единство человеческой природы вообще, что потребовало бы от исследователя возвести все слова к первой по времени внутренней и внешней форме, обозначить первую внутреннюю форму каждого слова и определить свойства первобытных звуков.[12] Более того, говоря об общности звука и предмета, Потебня замечает, что фигурные выражения являются не роскошью и прихотью, а существенной необходимостью мысли, хотя символика звука, по его мнению, совпадает не с внутренней формой, а с субъективным значением слова.[13] Данная работа описывает методологический потенциал подобных лексико-семантических сопоставлений как с точки зрения субъективности восприятия языкового материала учащимся (с нейродидактической, психолингвистической, ассоциативной точки зрения)[14], так и внутренней (этимологической, лингвокультурологической по Потебне)[15] и внешней (произвольной по Соссюру).[16]

2) Межъязыковые лексико-семантические параллели как аспект методологии РКИ

Исходя из практики преподавания русского языка как иностранного в целом и в турецкоязычной аудитории в частности, в рамках общих практических занятий или частных дисциплин, какими являются, к примеру, лексикология и морфология, и стилистика современного русского литературного языка, учебный процесс зачастую намеренно или спонтанно встречается с проблемой понимания, необходимостью словообразовательного анализа или же межъязыкового сопоставления языковых единиц. Как и с классическим примером «зонтика»,

[10] A. A. Potebnya, *Slovo i mif* (Moskva: Pravda, 1989), 98-100.
[11] Potebnya, *Slovo i mif,* 98-100.
[12] Potebnya, *Slovo i mif,* 98-100.
[13] Potebnya, *Slovo i mif,* 98-100.
[14] L. S. Vıgotskiy, *Mışleniye i reç Moskva* (Leningrad: Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomiçeskoye izdatelstvo, 1934), 260-318.
[15] Potebnya, *Slovo i mif,* 98-100.
[16] Sossyur, *Kurs obşey lingvistiki,* 70-72.

BY-NC-ND 4.0

проблемой перевода «хранения денег в банке», или же лексического выражения дорожного знака «кирпич» на русском как иностранном и родном языке учащегося, преподаватель сталкивается с необходимостью обращения к сведениям, структурам и словарям не только современного изучаемого русского литературного языка и современного родного учащимся турецкого литературного языка. Привлекать следует и материалы других индоевропейских и неиндоевропейских языков. Ими преподаватель может либо владеть, либо не владеть, но непременно обогатить учебный процесс и перцептивный и ассоциативный аппарат учащегося, разнообразить методический арсенал. В последний можно включить не только двуязычный русско-турецкий или турецко-русский словарь, но и виды толковых, этимологических, словообразовательных, орфоэпических, диалектных, жаргонных, ассоциативных словарей.

Так, в процессе визуализации слова «кирпич», которое не сразу ассоциируется со словом-источником заимствования тюркской этимологии у турецкоязычных учащихся, изображая на доске дорожный знак круглой формы с прямоугольником внутри, преподаватель получает от учащегося лишь формулировку «girişi olmayan yol», не активизируя ассоциацию со стоительным камнем «кирпич», и только лишь обращение к этимологическим словарям и параллельному знакомству с их основными авторами и их судьбами (также в качестве методологической «добавленной стоимости»), учащийся осознаёт заимствованный характер слова «кирпич», активно сопоставляя его семантическое наполнение в родном современном турецком литературном языке, получая комментарий от преподавателя о нелитературном, образном, метафоричном характере лексемы «кирпич» в русском значении дорожного знака «въезд запрещён». Таким образом, знакомство с одним современным русским словом в любом учебном контексте позволяет учащемуся и преподавателю концентрировать внимание на ассоциациях в родном и изучаемом языке, на межъязыковых параллелях как на фонетическом, внешнем, акустическом (рус. «кирпич»-тур. «kerpiç»), так и на содержательном уровне (рус. значение «искусственный камень–брусок из обожжённой глины, употр. для построек; изделие в форме такого бруска; дорожный знак в виде лежачего бруска, запрещающий въезд (разг.)[17]» и тур. значение «duvar örmekte kullanılmak için kalıplara dökülüp güneşte kurutulmuş saman ve balçık karışımı ilkel tuğla»[18], или: примитивный кирпич, смесь соломы и глины, насыпанная в формы и высушенная на солнце для использования в каменной кладке). Причём в качестве абсолютного межъязыкового синонима русского слова «кирпич» в турецком языке, исходя из опыта преподавания авторов данной работы, а также из лексикона и понимания его студентом, используется не лексема «kerpiç», а «tuğla» («balçığın kalıplara dökülüp güneşte kurutulduktan sonra özel ocaklarda pişirilmesiyle yapılan ve duvar örmekte kullanılan yapı malzemesi»[19], или: строительный материал,

[17] S. İ. Ojegov, *Slovar' russkogo yazıka*, 22-e izd., ster. pod red. N. Yu. Şvedovoy (Moskva: Russkiy yazık, 1990), 275.
[18] Türk Dil Kurumu, *Türkçe Sözlük,* 9. Baskı (Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1998), 1276.
[19] *Türkçe Sözlük,* 2250.

BY-NC-ND 4.0

изготавливаемый путём заливки глины в формы, сушки на солнце и последующего обжига в специальных печах и используемый для возведения стен).

Вышеприведённый пример затрагивает тему заимствования из родного языка учащегося в изучаемый, что в процессе обучения является дополнительным мотивационным, ассоциативным фактором, активизирующим уже имеющиеся лингвистические знания из области родного языка, способствует их трансформации в область изучаемого. Обратным примером может послужить спорный, опять же, на грани русского и турецкого языков, вопрос о значении, соответствии с артефактом, о происхождении и словообразовательной модели лексемы современного русского языка «самовар», которая, причём, принадлежит и к лингвокультурологическому пласту обоих языков, является обозначением этнографически, фразеологически значимого артефакта. Данная лексема, с одной стороны, позволяет дать словообразовательный комментарий к модели сложного слова, состоящего из двух корней: «сам» и «вар», то есть, вид домашней утвари, которая сама варит, то есть, заваривает чай. Носитель турецкого языка, активизируя свой ассоциативный потенциал, может поспорить со способом использования самовара в контексте родной турецкой культуры в домашних условиях, как это продиктовано преподавательским опытом авторов данной работы. Преподаватель же, в свою очередь, имеет возможность обратиться к фразеологическим словарям Т. Н. Чернявской и др.[20] или Е. Г. Ростовой[21] и фразеологизму «в Тулу со своим самоваром», что опять же способствует знакомству с видами и авторами словарей кроме двуязычного русско-турецкого. Причём, затронутая словообразовательная тема сложных слов может продолжиться рядом аналогичных моделей («самолёт», «пароход», «паровоз») и их возможным лексико-этимологическим комментарием, как, например, принадлежность последних примеров к современной собственно русской лексике, а примера «самовар»-к восточнославянской. То есть, данный пример–с методологической точки зрения преподавания русского языка как иностранного– демонстрирует возможность учебной дискуссии, объектами которой являются лексемы паронимического характера (русская «самовар» и турецкая «semaver») с параллелями как во внешей форме (звучании и написании), так и внутренней (предмет, понятие, артефакт, который обозначает лексема: аппарат для заваривания чая). К тому же, сопоставление в плане содержания может продолжить учебную дискуссию не только в направлении этимологии слова, но и с аспекта различий и сходств в форме принципе работы и т.д. руского и турецкого самовара. Таким образом, данная работа позволит расширить семантические поля «формы», «цвета», «материалы» и т.п.

Двигаясь от межъязыкового явления паронимии к межъязыковой омонимии, то есть, идентичности, абсолютной параллельности плана выражения

[20] T. N. Çernyavskaya, et al., "Rossiya Stranovedcheskiy slovar'," erişim 01.06.2023, http://cult-lib.ru/doc/dictionary/acquaintance-with-russia/index.htm
[21] Ye. G. Rostova, "Lingvostranovedçeskiy slovar' Rossiya," Gosudarstvennıy institut russkogo yazıka im. A. S. Puşkina, erişim 01.06.2023, https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/

BY-NC-ND 4.0

слова в родном и изучаемом языке, в рамках курса по лексикологии преподаватель может предложить учащемуся, к примеру, перевести фразу «она хранила деньги в банке» с русского языка на родной, турецкий. Ожидаемый ответ «O, parayı bankada saklıyordu» встречается со стороны преподавателя другим возможным омонимичным вариантом «O, parayı kavanozda saklıyordu». Кроме идентичной в предложном падеже конструкции «в банке» (как от слова «банк» м.р., так и от слова «банка» ж.р.), носитель турецкого языка сталкивается с понятием «ложного друга», или «врага переводчика», обращает внимание, анализирует одну из возможных форм предложного падежа; видит в русскоязычном слове «банк» не только институцию и лексему, которую как русский, так и турецкий язык заимствовали из английского языка, но и омоним (в частности, омофон) «bank», что в переводе с турецкого значит «скамейка»; закрепляет усвоенное в ходе курса по лексикологии понятия омоформ, омонимов, омофонов; получает от преподавателя комментарий семиотического характера о том, что один и тот же план выражения может иметь отличный план содержания. То есть, вышеприведённый пример практического перевода имеет потенциал знакомства, закрепления, практического применения теоретических понятий и терминов лексикологического и семиотического характера. К тому же, работа со словарём, в том числе, знакомство с такими видами словарей, как словарь омонимов, паронимов, толковый словарь, опять же, является неотъемлемой частью подобной учебной работы. Более того, фактор работы с достоверными лексикологическими, лексикографическими источниками добавляет ценность работе с, казалось бы, знакомыми, но имеющими потенциал вариативности словами родного и изучаемого языков.

Следующий, классический для области общей и сравнительной лингвистики пример «зонтик» приобретает особую ценность при рассмотрении его в контексте преподавания русского как иностранного: если для носителя русского языка как родного комментарий о голландском происхождении лексемы «зонтик» как о сложном слове из двух корней «zon» (солнце) + «dek» (покрытие) благодаря привлечению иноязычного материала и этимологического словаря, скажем, М. Фасмера[22], вносит ясность в его внешнюю форму, в его словообразование (в противовес ассоциативному для носителя русского языка «зонт» + уменьшительно-ласкательный суффикс «-ик-»), то иностранный учащийся, в частности, ностель турецкого языка, кроме повтора морфологической темы функции русского суффикса «-ик-», продолжает межъязыковой синонимический ряд с внутренней формой, с планом содержания «зонтик». Начиная с турецкого «şemsiye», аудитория путём работы уже с турецким этимологическим словарём устанавливает арабское происхождение данной лексемы и её значение «защита от солнца». Похожим семантическим образом сформировались французское «le parasol», а в русском обнаруживается заимствование «парасоль», в украинском- «парасолька». Продолжая межъязыковое исследование, учащиеся используют

[22] Maks Fasmer, *Etimologiçeskiy slovar' russkogo yazıka*, Tom 2, per. s nem. i dop. çl.-korr. AN SSSR O. N. Trubaçeva. Izdaniye 2 (Moskva: Progress, 1986), 104.

BY-NC-ND 4.0

словарный запас, уже имеющийся в других иностранных языках, пользуются многоязычными словарями, где, например, к немецкому слову «regenschirm», как и к эстонскому «vihmavari» и французскому «le parapluie» приводится толкование не как защита от солнца, а как защита от дождя. Таким образом делается вывод о влиянии географических, климатических факторов на форму слова при едином значении и зависимом от окружающих условий назначении предмета, а также на живых примерах прослеживается маршрут и причины заимствований. В противовес данным примерам, английское «umbrella», испанское «sombrilla» имеет латинский корень «umbra», что означает «тень», и праиндоевропейскую реконструкцию «*andho-» (слепой, тёмный)[23], а также созвучно по форме и содержанию эстонскому «ümber» (вокруг), что хотя и восходит, согласно эстонскому этимологическому словарю, к нижненемецкому *umbi-[24], но не имеет лексикографического доказательства и, таким образом, является лишь гипотезой и нуждается в методологической проверке. Однако, построение подобных гипотетических параллелей способствует, в первую очередь, обращению к словарям, что для учебного процесса играет первостепенную методологическую роль, вопитывающую самостоятельную деятельность, критическое мышление, визуальную память, помогающую учащемуся ориентироваться как в семантическом, так и словообразовательном разнообразии изучаемого иностранного языка.

Другой гипотезой, которая в методических целях была предложена учащимся на одном из занятий по лексикологии, является турецкое слово «kalabalık» (многолюдность, толпа, многолюдный), которое традиционно толкуется как слово арабского происхождения от корня «kalaba»/«galebe» (множество, победа путём множества или количественного преобладания) образованное в турецком по модели корень «kalaba» + суффикс «lık».[25] Однако, при владении одновременно турецким и эстонским языками возникает следующая гипотетическая модель: «kala» (эст. «рыба») + «balık» (тур. «рыба»), то есть, повторение синонимичной лексемы и соединение синонимичных корней может расцениться в данном турецком слове как усиление значения, то есть «рыба» + «рыба» = «много рыбы». С одной стороны, подобная гипотеза может иметь право на рассмотрение по аналогии с продуктивной для турецкого, в частности, и тюркских языков, в общем, модели, именуемой дублированием, или «ikileme» в турецком терминологическом выражении. По похожей модели в турецком языке образованы сложные слова «saçma sapan», «allak bullak» и т.д. С другой стороны, в русском языке, согласно фразеологичскому словарю, имеется фразеологизм «как сельди в бочке» - «о людях, теснящихся в маленьком помещении; разг.».[26] Как известно, эпоха балто-славянского языкового единства знает факты балто-

[23] Douglas Harper, "Online Etymology Dictionary," erişim 01.06.2023, https://www.etymonline.com/
[24] Iris Metsmägi, Meeli Sedrik & Sven-Erik Soosaar, "Eesti Etümoloogia Sõnaraamat," Eesti Keele Instituut, erişim 01.06.2023, https://www.eki.ee/dict/ety/
[25] *Türkçe Sözlük,* 1162.
[26] S. İ. Ojegov, *Slovar' russkogo yazıka*, 708.

BY-NC-ND 4.0

славянских заимствований в финно-угорских и финских языках, пермско-иранских контактов в середине I в. н.э.[27], скандинавско-римско-византийской торговли в эпоху переселения народов[28], маршруты Янтарного пути[29], что может служить фактором возможного языкового контакта и слияния синонимичных слов древних состояний современного эстонского и турецкого языков. В третьих, обратившись к этимологическим и диалектологическим словарям, словарю тюркизмов, которые предлагают финно-угорскую[30], алтайскую[31], праславянскую[32] и ностратическую[33] этимологии, а также нелитературные и неславянские толкования слова «kalabalık»/«калабалык», можно провести следующие гипотетические лексико-семантические параллели: 1) *pāli – рыба, PA[34] + *čālo – полный, PA[35] (праалтайская реконструкция); 2) *kala – Fisch – рыба PU[36] + *palj3 – dicht, dick, viel (плотный, толстый, много)[37] PU (прауральская реконструкция); 3) *kadica – др. рус. «кадица», ум. к кадъ, рус. диал. «кадица» – «кадка» (южн.) – деревянная посуда для засолки мяса[38] + *balakati – вост. слав., болг. диал. «плескаться, играя в воде» (ген. близко значению «болтать вздор»), сербохорв «болтать что угодно»[39] (праславянская реконструкиця); 4) *kalΛ – рыба[40] + *malΛ – многочисленный[41] / *bulΛ – муть, алт. муть, мутить, смешивать[42] (ностратическая реконструкция); 5) Калабалык, м. – бестолочь, беспорядок, неурядица от недоразумения; Калабалы, калыбалы, мн. (обл., влад. яросл.) - вздор, пустяки, пустословие, бестолочь, сплетни[43] → из тур., крым.-тат. kalabalyk «толпа, смятение» от kalaba «множество» + lyk[44]; крым., тур. Калаба + лык = халабалык (крым., караимск..) – множество, большая свита, большое стечение народа[45](слово «калабалык» в качестве тюркизма); 6) Калабалык – суматоха, суета, беспорядок (Новорос.); семейная неурядица (Дон.); калабалы –

[27] V. V. Napol'skih, "Balto-slavyanskiy yazıkovoy komponent v Nijnem Prikam'ye v seredine pervogo tysyaçeletiya naşey erı," *Slavyanovedeniye* 2 (2006):15.
[28] M. M. Kazanskiy, "Skandinavskaya mehovaya torgovlya i «Vostoçnıy put'» v epohu pereseleniya narodov," *Stratum Plus Arheologiya i kul'turnaya antropologiya* 4 (2010): 17-127.
[29] O. N. Trubaçev, *Etnogenez i kul'tura drevneyşih slavyan. Lingvistiçeskiye issledovaniya* (Moskva: Nauka, 1991), 27.
[30] Károly Rédei, *Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band 1. Uralische und finnisch-ugrische Schicht* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988), 118-119, 350-351.
[31] S. A. Starostin, A. V. Dybo & O. A. Mudrak, *An Etymological Dictionary of Altaic Languages* (Leiden, Boston: Brill, 2003), 390, 1076.
[32] O. N. Trubaçev, *Etimologiçeskiy slovar' slavyanskih yazıkov. Praslavyanskiy leksiçeskiy fond,* vıpusk 1 (Moskva: Nauka, 1974), 145; O. N. Trubaçev, *Etimologiçeskiy slovar' slavyanskih yazıkov. Praslavyanskiy leksiçeskiy fond,* vıpusk 9 (Moskva: Nauka, 1983), 109.
[33] V. M. İlliç-Svitıç, *Opıt sravneniya nostratiçeskih yazıkov (semitohamitskiy, kartvelskiy, indoyevropeykiy, uralskiy, dravidiyskiy, altayskiy). Vvedeniye. Sravnitelniy slovar'* (Moskva: Nauka, 1971), 185, 288-289; V. M. İlliç-Svitıç, *Opıt sravneniya nostratiçeskih yazıkov (semitohamitskiy, kartvelskiy, indoyevropeykiy, uralskiy, dravidiyskiy, altayskiy). Sravnitelniy slovar'* (Moskva: Nauka, 1976), 41.
[34] Starostin, Dybo & Mudrak, *An Etymological Dictionary of Altaic Languages,* 1076.
[35] Starostin, Dybo & Mudrak, *An Etymological Dictionary of Altaic Languages,* 390.
[36] Rédei, *Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band 1. Uralische und finnisch-ugrische Schicht*, 118-119.
[37] Rédei, *Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band 1. Uralische und finnisch-ugrische Schicht*, 350-351.
[38] Trubaçev, *Etimologiçeskiy slovar' slavyanskih yazıkov. Praslavyanskiy leksiçeskiy fond,* vıpusk 9, 109.
[39] Trubaçev. *Etimologiçeskiy slovar' slavyanskih yazıkov. Praslavyanskiy leksiçeskiy fond,* vıpusk 1, 145.
[40] İlliç-Svitıç, *Opıt sravneniya nostratiçeskih yazıkov* (1971), 288-289.
[41] İlliç-Svitıç, *Opıt sravneniya nostratiçeskih yazıkov* (1976), 41.
[42] İlliç-Svitıç, *Opıt sravneniya nostratiçeskih yazıkov* (1971), 185.
[43] Ye. N. Şipova, *Slovar' tyurkizmov v russkom yazıke* (Alma-Ata: Nauka, 1976), 153.
[44] Şipova, *Slovar' tyurkizmov v russkom yazıke,* 153
[45] Şipova, *Slovar' tyurkizmov v russkom yazıke,* 153

BY-NC-ND 4.0

сплетни, вздор, пустые разговоры[46] (слово «калабалык» в качестве диалектизма).

Причём, согласно этимологическому словарю тюркских языков[47] и методу лексикостатистики,[48] используемому, в том числе, и в методологии Московской школы компаративистики,[49] к которой принадлежат авторы данного и вышеуказанного словаря алтайских этимологий, слова со значениями «рыба» и «много» относятся к базисной лексике, то есть, маловероятно заимствуются. Следовательно, на основании данных словарных статей можно (но лишь гипотетически и в методологических целях преподавания РКИ) предполагать, что турецкое слово «kalabalık» может быть следом слияния общих ностратических корней, то есть, общего происхождения, а также быть отголоском торговых или иных отношений между балто-славянскими и тюркскими племенами.

Вышеназванные традиционные и гипотетические этимологии приведены в ходе данного исследования с целью продемонстрировать потенциал подобной учебной работы по наблюдениям над межъязыковыми параллелями на уровне внешней и внутренней формы слов для более интенсивной работы и знакомства с видами и структурой различных словарей, знакомства с лингвистами разных областей и их деятельностью, для закрепления моделей словообразования, понятий лексемы, морфемы и фонемы, теоретических явлений синонимии, паронимии, омонимии, многозначности, ассоциативности, фразеологического, то есть, связанного функционирования лексем и синонимичных им идиом, для лучшего ориентирования в лексикографических и других научных источниках. Безусловно, важным элементом и выводом подобных лексикографических работ и построения гипотез является различение понятий народной и научной этимологий, которому посвятил не один труд один из значимых лингвистов–славистов, индоевропеистов, специалистов по тюркизмам в памятниках древнерусской литературы А. А. Зализняк.[50]

Выводы

Исходя из вышесказанного, проведение межъязыковых параллелей (потенциально затрагивающих не только русско-турецкую языковую пару, но и родственные и неродственные им языки) в процессе изучения русского языка как иностранного в целом и в турецкой аудитории, в частности, может включать в себя анализ таких явлений лексикологического, словообразовательного, фонетического, стилистического характера, как омонимия (рус. «в банке») и паронимия (рус. «самовар» и тур. «semaver»), заимствование (рус. «кирпич» и тур. «kerpiç») и гипотеза происхождения от общего праязыка (гипотетическое «kalabalık»).

BY-NC-ND 4.0

[46] F. P. Filin, *Slovar' russkih narodnıh govorov* (Leningrad: Nauka, 1977), 332.
[47] A. V. Dıbo, *Etimologiçeskiy slovar' tyurkskih yazıkov*, Tom 9 (dopolnitelnıy): Etimologicheskiy slovar bazisnoy leksiki tyurkskih yazıkov (Astana: TOO «Prosper Print», 2013), 266, 278, 370.
[48] Morris Svodeş, "Leksikostatistiçeskoye datirovaniye doistoriçeskih etniçeskih kontaktov (Na materiale plemyon eskimosov i severoamerikanskih indeytsev)," *Novoye v lingvistike Vıpusk* 1 (1960):23-52.
[49] S. A. Starostin, "Sravnitelno-istoriçeskoye yazıkoznaniye i leksikostatistika," *Lingvistiçeskaya rekonstruktsiya i drevneyşaya istoriya Vostoka. Materialy k diskussiyam mezjdunarodnoy konferentsii*, Chast' 1 (1989), 3-39.
[50] A. A. Zaliznyak, *Iz zametok o lyubitelskoy lingvistike* (Moskva: Russkiy Mir, 2010), 7-47.

С точки зрения психолингвистических, когнитивных и научно-методологических процессов, вышеописанная учебная работа по лексико-семантическим сопоставлениям, в первую очередь, затрагивает и анализирует уровень восприятия учебного языкового материала, ассоциативный аспект, позволяющий затронуть глубинные семантические уровни родного языка. Во-вторых, сопоставление языковых единиц позволяет затронуть не только и не столько структурно-типологические различия между фонологической, морфологической, лексической системами родного и изучаемого и, возможно, дальнейших привлекаемых языков (так как рассмотренные примеры представляли, скорее, похожие по внешней и понятийной форме лексемы в лице омонимии, паронимии, синонимии и т.д.), сколько когнитивные связи, параллели и различия между акустическим образом слова (по Соссюру[51]) и его внутренней формой, близкой к этимологии, к культурному, народному восприятию (по Потебне[52]). Наконец, научно-методологические принципы сравнительно-исторического языкознания, которые лежат в основе лингводидактики, в свою очередь, представляющей базу для методического практического выражения, обращают русло метода, выбранного преподавателем и исследователем, к аналитической сравнительной работе со словарями, к знакомству с деятельностью и методологией исследователей в области компаративистики, к различению явлений научной и народной этимологии (по Зализняку[53]).

Таким образом, приведённые в данной статье примеры являются одним из вариантов методологического оформления занятия по русскому как иностранному в турецкоязычной аудитории. С одной стороны, установление межъязыковых параллелей между их внешней и внутренней формой предполагает работу с этимологическими, толковыми, частотными и другими словарями. Это, в свою очередь, формирует навык построения гипотез. С другой стороны, подобная методология предполагает знакомство с принципами сравнительно-исторического языкознания, установления фонетических и морфологических соответствий между единицами родственных языков, с ролью семантики и культурологии в установлении внутренней формы слова, с лингвистическими школами и их представителями. То есть, словарная работа, спланированная на основе межъязыкового лексико-семантического сопоставления, является поводом к обрамлению собственно языковой практической учебной деятельности научно-методологическим подтекстом и контекстом. Данный контекст, тем самым, позволяет учащемуся воспринимать языковой материал в совокупности с информацией о языковедах, их научно-методологических взглядах, лингвистических течениях в контексте изучаемого языка и общелингвистических принципов. Как следствие, восприятие и оценка практического языкового материала осуществляется в связи с языковыми – лексикологическими, морфологическими и фонологическими категориями.

BY-NC-ND 4.0

[51] Sossyur, *Kurs obşey lingvistiki*, 19-20, 67-70.
[52] Potebnya, *Slovo i mif,* 98-100.
[53] Zaliznyak, *Iz zametok o lyubitelskoy lingvistike,* 7-47.

Beyanname:

1. Etik Kurul İzni: Etik Kurul İzni gerekmemektedir.

2. Katkı Oranı Beyanı: Yazarlar, makaleye eşit oranda katkı sağlamış olduklarını beyan etmektedirler.

3. Çıkar Çatışması Beyanı: Yazarlar, herhangi bir çıkar çatışması olmadığını beyan etmektedirler.

Declarations:

1. Ethics approval: Not applicable.

2. Author contribution: The authors declare they have contributed equally to the article.

3. Competing interests: The authors declare no competing interests.

ЛИТЕРАТУРА

Akimova, İ. İ. "O sootnoşenii metodiki i lingvodidaktiki i neobhodimosti natsionalno-orientirovannıh grammatiçeskih opisaniy russkogo yazıka kak inostrannogo." *Mezhdunarodnıy nauchno-issledovatelskiy jurnal* 7/73 (2018): 135-138.

Burlak, S. A. & Starostin, S. A. *Sravnitelno-istoriçeskoye yazıkoznaniye.* Moskva: Akademiya, 2005.

Çernyavskaya, T. N., K. S. Miloslavskaya, Ye. G. Rostova, O. E. Frolova, V. I. Borisenko, Yu. A. V'yunov, V. P. Çudnov. "Rossiya. Stranovedçeskiy slovar'." Erişim 01.06.2023. http://cult-lib.ru/doc/dictionary/acquaintance-with-russia/index.htm

Dıbo, A. V. *Etimologiçeskiy slovar' tyurkskih yazıkov. Etimologicheskiy slovar' bazisnoy leksiki tyurkskih yazıkov.* Tom 9 (dopolnitelnıy). Astana: TOO «Prosper Print», 2013.

Fasmer, Maks. *Etimologiçeskiy slovar' russkogo yazıka.* Tom 2. Per. s nem. i dop. çl.-korr. AN SSSR O.N. Trubaçeva. Izdaniye 2. Moskva: Progress, 1986.

Filin, F. P. *Slovar' russkih narodnıh govorov.* Leningrad: Nauka, 1977.

Harper, Douglas. "Online Etymology Dictionary." Erişim 01.06.2023. https://www.etymonline.com/

İlliç-Svitıç, V. M. *Opıt sravneniya nostratiçeskih yazıkov (semitohamitskiy, kartvelskiy, indoyevropeykiy, uralskiy, dravidiyskiy, altayskiy). Vvedeniye. Sravnitelniy Slovar'.* Moskva: Nauka, 1971.

İlliç-Svitıç, V. M. *Opıt sravneniya nostratiçeskih yazıkov (semitohamitskiy, kartvelskiy, indoyevropeykiy, uralskiy, dravidiyskiy, altayskiy). Sravnitelniy Slovar'.* Moskva: Nauka, 1976.

Kazanskiy, M. M. "Skandinavskaya mehovaya torgovlya i "Vostoçnyy put" v epohu pereseleniya narodov." *Stratum Plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya* 4 (2010): 17-127.

Kozan, Olena. *Kültürdilbilim: Temel Kavramlar ve Sorunlar*. Ankara: Gazi Kitabevi, 2014.

Maslova, V. A. *Lingvokulturologiya. Uçebnoye posobiye dlya studentov vısşih uçebnıh zavedeniy.* Moskva: Akademiya, 2001.

Metsmägi, Iris, Meeli Sedrik & Sven-Erik Soosaar. "Eesti Etümoloogia Sõnaraamat." Eesti Keele Instituut. Erişim 01.06.2023. https://www.eki.ee/dict/ety/

Napol'skih, V. V. "Balto-slavjanskij jazykovoj komponent v Nijnem Prikam'ye v seredine pervogo tysjaçeletija naşej eri." *Slavjanovedenie* 2 (2006): 13-19.

Novikov, L. A. *İzbrannoye.* Moskva: Izd-vo RUDN, 2000.

BY-NC-ND 4.0

Ojegov, S. İ. *Slovar' russkogo yazıka.* 22-e izd., ster. Pod red. N. Yu. Şvedovoy. Moskva: Russkiy yazık, 1990.

Potebnya, A. A. *Slovo i mif*. Moskva: Pravda, 1989.

Rédei, Károly. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band 1. Uralische und finnisch-ugrische Schicht.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988.

Rostova, Ye. G. "Lingvostranovedcheskij slovar' Rossija." Gosudarstvennıy institut russkogo yazyka im A. S. Puşkina. Erişim 01.06.2023. https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/

Sossyur, F. De. *Kurs obşey lingvistiki.* Red. Ş. Balli i A. Seşe. Per. s frants. A. Suhotina. Pod obşç. red. M. E. Rut. Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta, 1999.

Starostin, S. A., A. V. Dybo & O. A. Mudrak. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden, Boston: Brill, 2003.

Starostin, S. A. "O moskovskoy şkole komparativistiki." *Moskovskiy lingvistiçeskiy jurnal* 1 (1995): 10-13.

Starostin, S. A. "Sravnitelno-istoriçeskoye yazıkoznaniye i leksikostatistika." *Lingvistiçeskaya rekonstruktsiya i drevneyşaya istoriya Vostoka Materialy k diskussiyam mezjdunarodnoy konferentsii.* Chast' 1 (1989): 3-39.

Svodeş, Morris. "Leksikostatistiçeskoye datirovaniye doistoriçeskih etniçeskih kontaktov (Na materiale plemyon eskimosov i severoamerikanskih indeytsev)." *Novoye v lingvistike.* Vıpusk 1 (1960): 23-52.

Şçerba, L. V. *Prepodavaniye inostrannıh yazıkov v sredney şkole. Obsçiye voprosı metodiki.* Moskva: Vısşaya şkola, 1974.

Şipova, Ye. N. *Slovar' tyurkizmov v russkom yazıke.* Alma-Ata: Nauka, 1976.

Trubachev, O. N. *Etnogenez i kul'tura drevneyşih slavyan. Lingvisticheskiye issledovaniya.* Moskva: Nauka, 1991.

Trubaçev, O. N. *Etimologiçeskiy slovar' slavyanskih yazıkov. Praslavyanskiy leksiçeskiy fond.* Vıpusk 9 Moskova: Nauka, 1983.

Trubaçev, O. N. *Etimologiçeskiy slovar' slavyanskih yazıkov. Praslavyanskiy leksiçeskiy fond.* Vıpusk 1 Moskova: Nauka, 1974.

Türk Dil Kurumu. *Türkçe Sözlük*. 9. Baskı. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1998.

Vıgotskiy, L. S. *Mışleniye I reç.* Moskva, Leningrad: Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomiçeskoye izdatelstvo, 1934.

Zaliznyak, A. A. *Iz zametok o lyubitelskoy lingvistike.* Moskva: Russkiy Mir, 2010.

BY-NC-ND 4.0